

Вернувшись домой с этой картиной, он повесил ее на стену и смотрел на нее изо дня в день, подстегивая себя прилежно учиться.

На следующий день Яо Сань отправился на север из управы Гусу.

— Молодому хозяину предстоит сдавать провинциальный экзамен, как я мог не приехать? Я должен позаботиться о молодом хозяине! — сказал Яо Сань.

Восьмой день восьмого месяца, раннее утро.

Фэнби собрал вещи, подготовил экзаменационную корзину с длинными ручками и вместе с Яо Санем пошел провожать Тан Шэня. Когда они подошли к экзаменационному двору, Тан Шэнь с удивлением обнаружил, что там их ждал дворецкий из Резиденции министра. Старый дворецкий тоже держал в руках экзаменационную корзину с длинными ручками. Заметив Тан Шэня, он подошел и сказал:

— Господин сейчас на утренней аудиенции, поэтому отправил меня. Молодой господин Тан впервые сдает провинциальный экзамен и, возможно, подготовился не ко всему, так что я тоже кое-что собрал.

Фэнби принял корзину, а Тан Шэнь внимательно заглянул внутрь.

В этой корзине с длинными ручками лежали отличные кисти, тушь, бумага и тушечница, а также сытная сухая провизия и даже благовония.

— Премного благодарен старшему брату Цзыфэну, — сказал Тан Шэнь.

— Ну что вы, молодой господин Тан, не стоит благодарности, — ответил дворецкий. — Господин велел передать свои пожелания: пусть ваше имя украсит Лавровый список.

Услышав слова «Лавровый список» во второй раз, Тан Шэнь внезапно все понял. В его голове будто вспыхнула искра: «Так вот оно что!»

Провинциальный экзамен всегда проводился в восьмом месяце, поэтому его также называли Осенним экзаменом. Когда вывешивали результаты, в воздухе разносился аромат душистого османтуса, отчего список успешно сдавших величали Лавровым списком. Цветы османтуса в народе называют «муси». Выражение Ван Чжэня «опершись на османтус, вопрошать Шан Тана» на самом деле было скрытым пожеланием успешно сдать экзамен и попасть в Лавровый список!

Тан Шэнь почувствовал огромное давление. Взяв корзину, он глубоко вздохнул и вошел в экзаменационный двор.

Яо Сань и Фэнби остались ждать снаружи. Они ужасно волновались: не прошло и четверти часа, как Тан Шэнь скрылся из виду, а они уже вытягивали шеи, пытаясь разглядеть хоть что-то за воротами.

— Не беспокойтесь, почтенные, — промолвил дворецкий из Резиденции министра. — Молодой господин Тан выйдет лишь через несколько дней. Нам остается только набраться терпения и ждать.

Небо еще не посветлело, его усыпали мириады звезд.

Снаружи стражник с гонгом в руках с силой ударил по нему и зычно прокричал:

— Ворота Осеннего экзамена закрываются!

С тяжелым скрипом створки ворот захлопнулись.

Шел двадцать шестой год девиза правления Кайпин. Провинциальный экзамен официально начался.

От автора:

Сосед Лао Ван: Мне вспомнилось выражение «красные рукава зажигают благовония».

В нашей династии Государственные экзамены следовали порядкам прошлых эпох: провинциальные экзаменационные дворы принимали только местных кандидатов. Однако в Академию экзаменов Шэнцзина могли приехать сдавать экзамен суйцаи со всей Поднебесной. Студенты из Бэйчжили распределялись по месту регистрации, поэтому все они сдавали в Академии экзаменов Шэнцзина. Вместе с теми учеными мужами, кто прибыл из далеких краев из глубокого почтения, в этом году провинциальный экзамен в Академии экзаменов Шэнцзина сдавали в общей сложности одиннадцать тысяч двадцать девять человек!

И в этом не было ничего удивительного, ведь все они стремились стать «учениками Сына Неба»!

Суйцаи, державшие экзамен в Академии экзаменов Шэнцзина, сдавали его в самой императорской столице. И если у кого-то хватало наглости, он вполне мог хвастаться тем, что является «учеником Сына Неба». Сдача экзамена под самым боком у императора в каком-то смысле действительно приравнивала их к его ученикам. Кроме того, известные своим талантом ученые из окрестностей Бэйчжили тоже съезжались в Шэнцзин.

Стать Цзеюанем в глухой провинции было вовсе не то же самое, что в Академии экзаменов Шэнцзина, ведь здесь главным экзаменатором выступал ученый из академии Ханьлинь. В каждом провинциальном экзамене определялись десятки Цзеюаней по всей стране, но главный экзаменатор в столице был один. Он становился покровителем и наставником, а получить в наставники столь влиятельную фигуру перед вступлением в чиновничью среду было невероятной удачей, не сравнимой ни с какими другими экзаменаторами!

Досмотр на провинциальном экзамене был куда суровее, чем на начальном экзамене. Тан Шэню пришлось раздеться практически догола, чтобы стражники обыскали его. Но даже после проверки никого не пускали внутрь сразу — кандидаты ждали снаружи, пока не наберется сотня проверенных, и лишь тогда их запускали группой.

Когда набралась очередная сотня, стражник зычно крикнул:

— Проходи!

Тан Шэнь смешался с толпой и вместе со всеми протиснулся внутрь.

Среди этой сотни суйцаев встречались как юноши, полные сил и амбиций, подобные Тан Шэню, так и глубокие старики. Большинство же составляли бородатые зрелые мужчины, уже обзаведшиеся семьями и делом. В одной лишь этой сотне отражалось все многообразие человеческих судеб. Переступив порог внешних ворот, они увидели тысячи других кандидатов, ожидавших перед внутренними воротами.

От вида такого скопища людей у Тан Шэня даже екнуло сердце.

Когда они выстроились в очередь и прошли через внутренние ворота, оказавшись на территории самой академии, в толпе раздался дружный вздох. Студенты замерли перед величественным зрелищем, не в силах сдержать изумление.

Сразу за внутренними воротами тянулась широкая мощеная дорога. По обе стороны от нее, насколько хватало глаз, бесконечными рядами тянулись более десяти тысяч крошечных экзаменационных келий!

Тан Шэню по жеребьевке досталась келья под номером «Юэ-Дин». Иероглиф «Юэ» был взят из строки «Гора Тайшань — величайшая из вершин» в «Тысячесловии», а «Дин» — из системы небесных стволов и земных ветвей. Кельи в академии нумеровались по порядку знаков «Тысячесловия» и небесных стволов, чтобы кандидатам было легче ориентироваться.

Тан Шэнь быстро отыскал свою келью.

Патрулирующий территорию стражник, проходя мимо, с грохотом ударил в гонг:

— Живее внутрь, нечего глазеть!

Взглянув на крошечную каморку площадью от силы в полтора квадратных метра, Тан Шэнь беспомощно усмехнулся и вошел внутрь.

Здесь ему предстояло провести следующие три дня!

Размещение более чем десяти тысяч кандидатов требовало немало времени. Но сам экзамен еще даже не начался.

Лишь к полудню досмотр завершился, и все кандидаты заняли свои места. Тан Шэнь посидел в своей келье, перекусил на скорую руку и, поскольку делать было абсолютно нечего, улегся спать. В полночь главный экзаменатор внезапно ударил в барабаны и гонги, пробуждая сонных кандидатов ото сна. Стражники разошлись по проходам и один за другим стали раздавать экзаменационные листы.

Тан Шэнь взял свой лист и сразу же развернул его.

Первая тема гласила: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению».

Как и предполагал Ван Чжэнь, главным экзаменатором на провинциальном экзамене в Академии экзаменов Шэнцзина назначили Ученого Яна. Ученый Ян очень любил читать «Чжоу и», однако на первом этапе провинциального экзамена знание «Пятикнижия» не проверялось — требовалось лишь написать сочинение по «Четверокнижию» и стихотворение в жанре «шитешу» из восьми двустиший по пять иероглифов в строке.

Первая тема была взята из главы «Вэй чжэн» трактата «Лунь юй». Полностью цитата звучала так: «Учитель сказал: „В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению. В тридцать лет я обрел прочную основу. В сорок лет я освободился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю Неба. В шестьдесят лет мой слух стал чутким. В семьдесят лет я следую желаниям сердца и не преступаю меру“. Эта фраза останется широко известной и узнаваемой даже в далеком будущем. В ней Конфуций подводит итог своей жизни, давая оценку пройденному пути, чтобы вдохновить грядущие поколения.

Конфуций говорил: «В пятнадцать лет я твердо решил учиться».

Тан Шэнь внимательно всмотрелся в эти слова и принялся делать наброски на черновике.

Способов раскрыть тему существовало великое множество. Можно было оттолкнуться от фразы целиком, затронуть весь жизненный путь Конфуция, порассуждать о том, как он мотивировал и ободрял потомков, и о том, как будущим поколениям надлежит брать с него пример. Однако такой подход таил в себе огромную сложность: слишком легко было уйти от сути вопроса.

Тан Шэнь сидел в тесной келье. Перед ним высилась стена, по бокам находились другие кандидаты. Он никого не видел, но точно знал, что в этом месте сейчас собралось более десяти тысяч человек.

Как же непросто выделиться среди такой массы людей! Но если сбиться с темы в самом первом вопросе, проверяющие, скорее всего, даже не станут читать его последующие эссе и стихи — просто пометят его работу синей тушью и отправят в стопку провалившихся.

«Что ж, начну именно с первой фразы, не распыляясь на остальное».

В пятнадцать лет Конфуций решил посвятить себя учению и с тех пор трудился не покладая рук, постигая новое через повторение старого. Это отражало сам подход Конфуция к получению знаний, поэтому Тан Шэнь решил сделать упор именно на отношение к учебе. Размышляя, он набросал четыре-пять вариантов вступления.

За этими мыслями он не заметил, как у него заурчало в животе. В корзину, присланную Ван Чжэнем, заботливо положили несколько пирожных и сухой паек. Пирожные долго храниться не могли, поэтому Тан Шэнь решил съесть их первыми.

Утолив голод, он еще раз все тщательно обдумал, взял кисть и вывел на черновике:

«Ныне люди обращаются к пути Святого Конфучного, дабы приобщиться к учению: сперва они утверждают в воле своей, а после постигают знания. Воля и стремления безграничны, но силы учащегося за долгие годы могут иссякнуть. Хоть то и путь, коим мудрецы обретают истину, но сказано ведь: жизнь человека имеет предел, знание же безгранично!»

Каждый, кто начинал учиться, вступал на стезю Святого Конфуция, стремясь уподобиться ему в целеустремленности и жажде знаний. Но со временем цели сменяли друг друга без конца и края, а о самом учении люди забывали. Даже великие мудрецы признавали, что человеческая жизнь конечна, в то время как познание беспредельно.

Именно так: Тан Шэнь намеревался взять стремление к учебе за отправную точку своего вступления и через это призвать к прилежанию!

Когда вступление было готово, писать дальше стало гораздо легче. Тан Шэнь тщательно взвешивал каждое слово, набрасывая на черновике схему будущего сочинения. В виде разветвленного дерева он сначала обозначил тезисы, аргументы и цитаты, которые собирался использовать, и лишь после этого принялся за само эссе.

Лишь когда солнце поднялось в самый зенит, Тан Шэнь закончил писать свое первое сочинение в жанре восьмичленных эссе «багу». Закончив, он не стал сразу переписывать его набело, а просто лег и мгновенно уснул. Проснувшись через два часа, он внимательно проверил текст на ошибки, а затем аккуратно перенес его на чистовик.

<http://bllate.org/book/18292/1754508>